

Диана

Кацапова

Тёмная
сторона

Диана Кацапова
Тёмная сторона

«Автор»

2025

Кацапова Д. Д.

Тёмная сторона / Д. Д. Кацапова — «Автор», 2025

Девятый "Г" – образцовый класс. Все учителя ставят его в пример другим ученикам, с удовольствием ведут уроки у этого класса, но, как случается, у идеала существует своя "тёмная сторона". Аня Симонова – отличница, перешедшая в девятый "Г" – класс, в котором собрались только лучшие ученики – благодаря своим отметкам. Желая поразить своих будущих одноклассников, на день знаний она решает спеть милую песню о дружбе между одноклассниками, однако, Аня совсем не ожидала, что разозлит старосту класса, Вику, которая поступает совсем не так, как то представляла Симонова. Неужели невинной и никогда не сталкивающейся с жестокостью девушке придётся оказаться среди неё впервые в жизни? Что её ждёт? Читайте книгу "Тёмная сторона" и узнайте жуткую тайну образцового класса!

© Кацапова Д. Д., 2025

© Автор, 2025

Диана Кацапова

Тёмная сторона

Глава 1 Странная причина

В памяти так часто мелькало то событие, которое повлекло за собой череду бедствий!

В тот сентябрьский день она, ещё девятиклассница, спешила на школьную линейку. По длинной, напоминающей небольшую горку, лестнице, поднялась на этаж. Ученицу окружали десятки её копий – лица незаметно пролетали перед глазами, лишь тёмные платья с треугольными подолами, белоснежные кружевные фартуки с узорами, громадные букеты школьница замечала тогда, сама одетая в такую же форму. Девятиклассница сжимала в руках пышный, ярко пышущий сладким ароматом букет роз, завернутый в ярко-красную бумагу и перевязанный алой ленточкой.

Школьница неуклюже, спотыкаясь на непривычных для неё высоких чёрных туфлях с каблуками-шпильками, обходила весёлую, шумную толпу. Первой зашла в актовй зал, где были расставлены, похожие на огромное чёрное полотно, множества стульев.

– Привет! – раздался сиплый голос.

Ученица прислушалась.

– Девочка! Ты, да, с розами!

Она обернулась и увидела вошедшую в просторный кабинет весёлую девчонку. Последняя шурилась от яркого солнца и крепко сжимала две тугие рыжие косы.

Ей в ответ новая знакомая лишь прошелестела единственное: "Привет". Внутри девятиклассницы что-то горело, кипело, изнывало, точно готовилось к новым, жутким переменам...

Но незнакомая девочка не видела этого. Не видела того мрачного выражения бледного худощавого лица, тех померкших прежде ярко-зелёных глаз, ставших противно-болотными, не замечала, как тонкие дрожащие пальцы сжали кончики длинных, цвета пшеницы, волос. То не заметила эта девочка, и быстрым, твёрдым шагом, заставляющим пол слегка подрагивать, подошла и прогрохотала:

– Это ты – новенькая? Аня Симонова?

Последняя лишь едва заметно кивнула.

Симоновой показалось, что этот бойкий, звонкий голос раздался через громкоговоритель. Она вздрогнула.

– Лена. Тоже в девятом "Г" учусь.

Она с воодушевлением вытянула руку, улыбаясь ещё шире. В ответ на это Аня, слегка смутившись и протерев о полочку платья вспотевшую ладонь, поздоровалась: Лена вдруг резко сжала её, так, точно пыталась стереть в пыль, и так же неожиданно отпустила.

– Может, сядем? – предложила новая знакомая.

Девятиклассницы неспешно прошли к последнему ряду: стулья были ещё пусты, ученики ещё хихикали где-то в коридоре. Лена и Аня присели у самого конца ряда, возле громадного окна, пускающего в зал солнечные лучи.

– Ну, как тебе школа? Успела осмотреться?

Не понимая, как ответить на Ленин вопрос, Аня промолчала и без интереса осмотрелась: множества стульев, стояли возле большой широкой сцены, к которой вели четыре высокие ступеньки; на ней самой, с левой стороны, Аня заметила маленький столик с двумя серебряными микрофонами; с правой стороны от ступеней пустовал тёмный стул с мягким сидением – там было место школьного диджея; рядом с ним – парта с расставленным на ней оборудованием.

На бирюзовых шторах остановился взгляд Ани, когда вновь она услышала голос новой знакомой:

– Ань, ну ты ведь только перевелась...

Та хмыкнула:

– Ну, получается, в конце августа, неделю назад.

– Вот! – удовлетворённо протянула Лена. – Так что, как тебе у нас?

– Не знаю. Я же восемь лет в одной школе проучилась. Скучаю, конечно, но, думаю, тут будет не хуже.

– Уверена, хоть и не обещаю. – Анина знакомая слегка задумалась, точно что-то встревожило её.

– А я надеюсь впечатлить всех вас. Песню спою, называется «Мой класс». Знаешь, если вкратце, суть в том, что я рассказываю про то, как люблю своих одноклассников. Как думаешь, им понравится?

Лена как-то странно воодушевилась: лицо её ещё сильнее просияло, глаза заблестели, стали яркие-яркие, как чистое озеро, и внутри Ани вдруг зародилось чувство счастья. Беспокойство, неожиданно овладевшее ей, вдруг утихло.

– Ань, так это же отлично! Конечно, понравится! Ты, главное, не волнуйся. Они – ребята хорошие, иногда серьёзные, но хорошие...

Аня с пониманием кивнула.

И ей вдруг показалось, что Лена замолчала с каким-то нежеланием продолжать. На лице последней отразились странные смятение и тревога.

Аня хотела спросить: «Что случилось?», вот только не успела: в актовом зале толпой протиснулись ученики с огромными букетами, шумно хохочущие и пытающиеся перекричать друг друга.

Концерт начался. Директор школы, высокая стройная женщина в нарядном алом платье, твёрдым, уверенным голосом произнесла речь. Желала она долго ученикам удачи в новом учебном году, и с какой-то странной гордостью завершила:

– А теперь на сцену приглашается наша ведущая! Ученица 9 «Г», Вика Иванова, староста образцового класса, победительница областной олимпиады мая этого года!

На сцену, боком проходя между рядами, вышла девочка. Она точно пыталась продавить в полу огромную яму: широкие чёрные туфли с высокой платформой падали на пол, пока Вика выходила на середину сцены. В то время Аня успела осмотреть одноклассницу: хмурая, суровая, словно командир армии, с лицом, напоминающим чёткий квадрат, тёмными волосами, затянутыми в косу, больше похожей на жгут, глазами, в которых пылало пламя злости и нескрываемой неприязни. Она была долговязой, как-то пугая, возвышалась над рядами.

Ане вдруг в голову пришла постыдная мысль, пока она рассматривала одноклассницу: «Я со страху даже общаться с ней не смогу!», и миг щёки Симоновой вспыхнули.

– С Викой лучше не связываться. – слегка наклонившись, шепнула Ане Лена.

Та лишь вопросительно посмотрела на одноклассницу, повернув голову вправо, в мыслях замечая, что и желания общаться со старостой класса у неё не было.

– Она такая... – Лена на секунду задумалась, – импульсивная, что ли. Злитесь на каждое действие, а потом может вообще месяц, или больше, не разговаривать, если сделал что-то не так.

– Хорошая у вас староста. – явно издеваясь, разочарованно процедила Аня и вновь вернулась к сцене.

Когда Симонова вновь посмотрела прямо, увидела, как Вика уже прошла к середине сцены, крепко прижимая к груди микрофон, словно драгоценную вазу. На пустующем месте диджея уже сидел высокий брюнет в больших круглых очках, похожих на огромные глаза, согнувшийся почти пополам. Он протянул длинный палец к оборудованию, нажал какую-то кнопку красного цвета, слегка сдвинул её – и вдруг заиграла торжественная музыка.

– Дорогие ребята и учителя!

Иванова растянула губы в широкой улыбке. Показалась она Ане какой-то неискренней, точно похититель пытался расположить к себе жертву. От этого выражения лица старосты внутри Симоновой что-то взбушевалось.

– Все мы очень скучали по классу, учителям и любимым урокам. Дорогие наши педагоги, мы поздравляем вас с днём Знаний! Пусть учебный год принесёт вам только удовольствие и будет таким же восхитительным, как подарок от нашего 9 «Г»!

Вика взмахнула ладонью, словно пытаясь отогнать назойливое насекомое. Так, словно это движение было прорепетированно сотню раз, одновременно, напоминая роботов, некоторые школьники и школьницы встали со стульев, сжимая в ладонях пышные букеты. Последние пестрели цветами – разноцветными кругами. Не сразу Аня заметила, что и у Лены такой был – огромный, пахнущий сладостью и свежестью.

– Сейчас приду. – шепнула та Симоновой, на что последняя лишь кивнула.

Аня посмотрела на колени – там лежал и её подарок незнакомой ещё классной руководительнице, о котором Симонова совсем забыла.

«Подарю после концерта» – решила она и обхватила широкий букет роз слегка подрагивающими от странного волнения пальцами.

Учителя, занявшие места на первом ряду, вдруг ощутили в руках тяжёлые большие букеты. Секунду длилось молчание, которое вдруг переменялось удивлёнными, но обрадованными благодарностями.

Вика вновь поднялась на сцену и твёрдым, подходящим её грозной внешности, слегка басовитым голосом, снова стала поздравлять педагогов и учеников.

Как-то странно быстро пролетела перед Аниными глазами половина концерта: танцующие первоклассницы, гимнастки, показывающие свои номера в нарядных блестящих костюмах, читающие стихи школьники, девочка из пятого класса, пропевшая знакомую всем «Учат в школе».

После этого номера неожиданно для Симоновой зазвучала новая музыка, торжественная, весёлая. Каким-то странным показалось Ане, что Вика не объявила нового выступающего. Хотела Симонова уже спросить у кого-то об этом, как Иванова вдруг широко распахнула рот, точно хотела проглотить весь актёрский зал вместе с учениками, и издала звук. Он напомнил Ане стон умирающего животного. Показалось ей, что зал слегка дрогнул от неожиданности. Вика пела про школу, про радостное возвращение к любимым одноклассникам и учителям, но слова тонули в этом тяжёлом басы, и все ноты проскальзывали мимо Ивановой. Она пела, точно совсем не слыша музыку.

Невыносимо долгим показался Ане этот номер, и такая радость вдруг охватила её, когда после песни вдруг раздалось:

– А теперь сюда выйдет Аня Симонова с песней «Мой класс»!

Аня поднялась с места, слегка поправив помявшийся подол платья. Она проходила между рядами, ощущая ожидающие взгляды учеников. «Учат в школе, учат в школе, учат в школе...» – почему-то пронеслось ненавязчивой мелодией в Аниной голове.

Смело Симонова подошла к сцене и с уверенностью сообщила Вике, что ей нужен микрофон. Быстро Симонова поднялась по ступенькам и встала на середину сцены. Стало ей как-то до ужаса невыносимо и одновременно весело.

«Сейчас, сейчас, нужно просто это пережить. – мелькала мысль в Аниной голове. – Спеть, как умею».

Раздалась так знакомая Симоновой музыка. Вновь песня пятиклассницы единственной строчкой пронеслась в голове: «Учат в школе, учат в школе, учат в школе...». Она соединилась с последними звонкими аккордами вступления.

Аня поднесла микрофон к губам, и тотчас же по широкому, большому актовому залу разнеслось её мелодичное пение. Слова лились, соединяясь с музыкой, песня звучала весело и звонко, и Аня вдруг сама ощутила странное наслаждение.

Ученики, прежде с недоумением и ехидством переглядываясь, теперь замерли, повернувшись к сцене. В глазах каждого можно было разглядеть странный восторг. Лишь Вика, спиной прижавшись к стене, которая находилась справа от Ани, как-то с недовольством шурилась. Во взгляде старосты блестел огонёк нескрываемой ненависти, который так и не заметила Симона.

Глазами, разгоревшимися странным блеском, смотрела Аня на замерших от удивления, восхищения и странного беспокойства учеников, и голос её всё лился и лился.

Неожиданно музыка стихла, и с некоторым горьким чувством грусти Аня отдала микрофон Вике. Спускаясь по ступенькам, Симонова оглядела учеников торжествующим, воодушевлённым взглядом.

Пройдя между рядами, Аня вновь села на мягкое сидение и положила снова на колени пышный букет. Она взглянула на Лену, и внутри что-то неприятно укололо: та сидела, с ужасом смотря на новую знакомую.

– Аня... – с некоторой неуверенностью позвала Лена. – Ты Вику видела?

– Видела, конечно. Целый концерт на неё смотрю. – тяжело дыша от волнения, овладевшего Аней ещё у сцены, проговорила она.

– Ну, нет. Во время того, как ты пела.

Аня не успела ответить на эти слова отрицательно, как Лена пылким шёпотом заверила:

– Она тебя возненавидела.

– С чего бы? Я видела, как ребята восхищённо на меня смотрели. Не надо меня пугать!

Лена как-то раздражённо и взволнованно выдохнула, точно размышляя, как бы сказать Симоновой о чём-то важном.

– В общем, она ведь не очень хорошо поёт. А ты – просто восхитительно. Вика тебе завидует, понимаешь? И, возможно, она будет мстить. У нас такое уже бывало...

Лена не успела рассказать, что именно имела в виду, ведь концерт уже заканчивался. Какая-то странная тревога поселилась вдруг в Аниной душе.

«Крепко-накрепко дружить... дружбой дорожить...» – вдруг раздалось в её голове незатейливой мелодией, точно издеваясь.

Глава 2 Всё только начинается

Концерт закончился. Ребята неторопливо встали с мест, громко переговариваясь. Постепенно прошли они к выходу, смешавшись в единое тёмное пятно. Вместе с ними встала и Лена.

– Покажешь, где наши?

Та лишь коротко кивнула.

Лена бойко и уверенно обходила, точно машина объезжала ямы, учеников, едва не прижимающихся друг к другу. Аня спешно следовала за ней, пытаясь не отводить взгляда от подруги, пока вдруг не увидела, что Лена остановилась. То же самое сделала и Симонова. Последняя робко огляделась: Аню окружали десятки ребят, улыбающихся и переговаривающихся; впереди, среди множества учеников, возвышалась высокая серьёзная женщина с тёмными волосами, заколотыми в пучок, одетая в серое вязаное платье. Она сжимала в пухлых пальцах прямоугольную табличку с надписью «9 «Г».

– Вот – наша классная, Валентина Андреевна. – шепнула Лена.

Аня с благодарностью качнула головой и, плечами раздвигая толпу учеников, поспешила к учительнице. Заметив Симонову, классная повернулась к ней и с доброй улыбкой обратилась:

– Аня! Добро пожаловать!

– Здравствуйте. – робко прошептала девятиклассница. – С праздником вас.

Аня протянула букет Валентине Андреевне и увидела, как злобно на неё смотрела Вика, вставшая рядом с учительницей. Что-то внутри Симоновой дрогнуло от этого взгляда. Не дослушав благодарностей Валентины Андреевны, она растворилась в толпе учеников, так и не подняв в те минуты глаз. Ане сделалось как-то невыносимо жарко вдруг, лицо и щёки её разгорелись, став едва не алыми. Тот болезненный вид не могла не заметить Лена:

– Тебя нужно показать медсестре!

Она крайне взволновалась – голос Лены вдруг дрогнул. Только тогда Аня подняла робкий, испуганный взгляд, глаза подруги её блеснули, обжигая слезами.

– Зачем? – Аня попыталась состроить в голове спокойствие, но в горле точно застрял тяжёлый камень.

– Ты горишь! Температура поднялась, точно тебе говорю!

Лена быстрым движением положила ладонь на лоб Симоновой, со знанием делая вывод:

– Точно, горячий. Как же так? Что случилось?

– Вика... не могу объяснить... она как-то странно посмотрела на меня, так, словно...

Аня замолчала, пытаясь придумать объяснение.

– Слово убить тебя хочет? – Лена хохотнула, и одновременно с тем подруга её согласилась. – Да, она может. Ну, так смотреть. А вот убить – конечно, нет. Хотя Вику многие боятся. У нас тут некоторые и слово ей пугаются сказать, либо пытаются с ней подружиться. Ну, думаю, ты привыкнешь. Знаешь, она хоть и такая серьёзная, но плохого тебе не сделает.

– А вот мне кажется, Вика меня возненавидела.

– Ну, и что с того? Не общайся с ней.

Какие-то вопросы звучали в голове Ани, как тревога, сирена, объявление войны. Она так хотела задать их однокласснице, но не смогла – в ту секунду вдруг раздалось торжественное:

– Девятый «Г»! Мои дорогие! Давайте, быстрее, идём в класс.

Постепенно ученики выстроились в тонкую полосу и, пройдя через деревянную дверь, вышли к лестнице. Мимо Ани проносились ступени, школьники, шагающие с правой стороны лестницы, что-то обсуждающие и хохочущие. Девятый «Г» шумной толпой прошагал на третий этаж. Слева в коридоре мелькали двери классов с поблёскивающими позолотой номерами и надписями: «Кабинет физики» – первой из них увидела Аня. С правой же стороны она замечала широкие окна. Повсюду шагали ученики, довольные и огорчённые началом учебных будней. Совсем они были похожи друг на друга в этой чёрно-белой форме! В отражении оконного стекла Аня заметила и себя, напоминающую теперь любую ученицу этой школы.

«Странно я выгляжу в этой парадной одежде». – пронеслась горькая мысль в голове Симоновой.

– А знаешь, у нас была свободная форма в прошлой школе. – шепнула Аня Лене. – Как-то даже непривычно сейчас в такой одежде.

Симонова оглядела тёмное платье с треугольным подолом и белым воротником, так ей не подходящее.

– Завидую. – Лена шумно выдохнула. – Весело у вас было там. Я вот никогда в свободной форме сюда не приходила.

Неожиданно за спиной Ани раздался хохот. Ледяной, искусственный, словно пытались скопировать смех у кого-то. Хохот сочетал в себе несколько голосов: бас, выделяющийся на фоне хихиканий-колокольчиков.

– Лучше бы она так и оставалась в «прошлой школе». – шептал низкий голос, вновь рассмеявшись с каким-то странным звуком, напомнившим Симоновой хрюканье.

Что-то внутри Ани похолодело. Какая-то странная тревога вдруг поселилась в душе её, глаза неприятно обожгли слёзы. Со страхом Аня обернулась и замерла, разглядывая хихикающих подружек. Их было трое: Вика, вставшая посередине, и облепившие её с обеих сторон, точно телохранители, две девятиклассницы. Одна была кареглазая, темноволосая, с короткой

стрижкой, а другая – светлая, с бровями, которые казались совсем белыми, и глазами, ярко-голубыми, точно облака в солнечную погоду. Все трое, будто сговорившись, одновременно вновь расхохотались.

– Так, Виктория, что за шум? – раздался голос учительницы.

Девятиклассницы совсем поменялись: их ехидные выражения стали милыми и добрыми, на лицах появились широкие улыбки, словно они были не настоящими, а лишь масками.

– Валентина Андреевна, мы просто новенькую расспрашиваем о её прошлой школе! Очень уж интересно, где такая хорошая девочка училась! – пропела Вика.

– Хорошо это, Иванова. Всегда я знала, что можешь найти общий язык с кем угодно. Но ты, Аня, отвернись от них, нам нужно дойти до кабинета. В классе поговорите.

Под наблюдающим взглядом учительницы Аня повиновалась: медленно развернулась, слыша ставшее отчего-то совсем громким робкое своё дыхание и негромкий прерывистый смех звонких голосов, к которому иногда прибавлялся тот неприятный, режущий басовитый хохот Вики.

Между тем лицо Симоновой совсем побагровело, щёки сделались алыми, с ярко-оранжевыми пятнами, глаза разгорелись странным блеском. Аня ощутила, как на лбу выступили влажные капли пота. Спину точно что-то ударило ледяными иглами. Внутри билось раненое насмешкой колотящееся сердце. Оно точно пыталось сбежать, вырваться наружу и исчезнуть навсегда. Аня и сама хотела оказаться далеко от школы. Трусливо, с чувством неприятной горечи, Симонова признавала, что больше всего на свете она хотела больше никогда не слышать этого смеха.

Аня шагала вслед за учениками, надеясь, что где-то там, впереди, будет выход из школы; становилось как-то невообразимо душно, словно воздух раскалялся до ста градусов, а температура даже не думала понижаться.

«Почему же они так смеются? Неужели я какая-то ненормальная? И общаюсь, и пою неплохо! Так что же я сделала, где допустила ошибку?» – бились вопросы в голове Симоновой.

– Ань, ты бы меня послушала, прежде чем такое говорить. – возмутилась Лена.

Не сразу Симонова заметила, что все эти вопросы говорила она вслух, едва слышным шёпотом, кое-как шевелящимися бледными губами и дрожащим голосом; с каким-то стыдливым чувством взглянула Аня на Лену.

– Наконец-то я могу сказать. В общем, те девочки, которых ты видела – это лучшие подружки Вики. Маша – та, которая слева, и Ира – справа. Они всегда задирают новеньких, даже если потом пытаются с ними подружиться. Поэтому, не переживай так. Завтра, может, послезавтра, всё уже будет хорошо.

Симонова с некоторым недоверием проговорила тихое: «Надеюсь». Сразу после этого небольшая толпа постепенно начала останавливаться. Сначала замерла учительница, а за ней – десятки школьников. С ними остановились и Аня, и Лена. Первая с интересом подняла взгляд: перед ней возвышалась деревянная дверь, похожая на те, которые раньше замечала. На ней позолотой блестел номер: «26» и значилась надпись: «Кабинет химии».

Учительница мягко надавила на ручку, и перед Аней возник светлый кабинет. 9 «Г», толкаясь и шумно переговариваясь, толпой перешагнул порог.

Симонова оказалась в просторном, освещаемым солнечным светом, классе. С каким-то детским удовольствием, точно ребёнку подарили так горячо желаемую игрушку, Аня осмотрелась: в кабинете тремя рядами были расставлены парты, а позади каждой – похожие друг на друга деревянные стулья на железных ножках; впереди рядов стояла такая же парта – стол для учителя; позади него Симонова заметила стул в мягкой серой обивке; на парте Валентины Андреевны были расставлены стеклянные колбочки, слегка закрывающие собой просвечивающийся классный журнал; справа от двери виднелось громадное широкое окно с фиолетовыми шторами, открывающее Ане взор на большую спортивную площадку.

Постепенно ребята проходили к партам. Учительница же спешно присела на мягкий стул и наблюдала, как редеет толпа, прежде собравшаяся у двери.

– Садись со мной. – предложила Лена, когда Аня единственной осталась стоять в середине класса.

С благодарностью Симонова кивнула и прошла к четвёртой парте первого ряда от двери. Мягко опустилась на стул, стоявший справа от одноклассницы.

– А у нас уроки вообще будут сегодня? – шепнула Аня соседке.

– Ну, у тебя – нет. А смысл? Знаешь, как говорится: горбатого могила исправит. – басовитый шёпот вдруг раздался с правой стороны.

Симонова как-то, даже не желая того, с удивлением и недопониманием взглянула: там, на третьем ряду, в ответ на неё смотрели Вика и Маша. В глазах их разгорелось адское пламя, от этих взглядов Аня невольно вздрогнула.

В ту секунду с третьего ряда послышались уже знакомые ей смешки и голос, звонкий, весёлый, с наслаждением сипло пропевший:

– Саша, Соня!

Двое: темноволосый кудрявый парень и миловидная блондинка с пышущими ярко-розовым щеками, сидящие на первой парте, разом обернулись.

– Да, вы! Местами поменяемся?

– С чего бы? – грубо отозвалась девушка.

– Вы же знаете, у нас с Викой очень сильная реакция на запахи. Тут просто слева... – Маша взглядом указала на Аню. – Очень пахнет. Думаю, вам не будет так заметно. Это же только мы такие!

С недоумением переглянувшись и кратко пожав плечами, с первой парты послышались тихие и недовольные: «Ладно». Быстро ребята схватили рюкзаки, и недолго у третьего ряда было шумно. Коротко Аня бросила, наконец, взгляд направо: теперь у злополучной парты переговаривались Соня и Саша.

– Так, вижу: все пересели. – довольно заявила учительница. – Значит, начнём урок. Сегодня у вас – только химия, а завтра уже начинаются полноценные семь уроков. Расписание после занятий будет уже известно.

Именно в те секунды для учеников начались учебные будни.

На школьном дворе было шумно, по обеим сторонам его шагали ученики, о чём-то разговаривая. Кто-то смеялся, шутил, кто-то, наоборот, нескрываясь возмущался. Лишь Аня шагала одна, спеша, наконец, оказаться дома. Тяжело было ей дышать, сердце Ани билось всё сильнее. Крепко она сжимала лямки тёмного рюкзака, ноги почти уже впились в ладонь, когда позади вдруг раздалось:

– Эй!

А после этого восклицания – громкий, протяжный свист.

– Новенькая, Симонова!

Аня совсем не смогла понять, чей голос слышала. Он был звонким, каким-то насмешливым. Жуткое подозрение закралось в душу Симоновой.

Но храбро Аня решила остаться, несмотря на ужас, овладевший ей. Неторопливо Аня замедлилась, пока совсем не остановилась. С чувством непреодолимого страха, коротко вздрогнув, она обернулась: рядом с Аней стояли трое. Те, кто возненавидели её по странной причине: Вика, Маша и Ира.

– О, Симонова! – визгливо крикнула последняя.

Увидев, что Аня заметила одноклассниц, последние спешно зашагали к ней; Симонова разглядела, как трое выстроились впереди неё высоким и широким забором, а затем как-то

быстро стали расходиться: позади Ани, наконец, оказались Маша и Ира, а Вика, точно приросшая к асфальту, осталась на прежнем месте.

Вновь Симоновой стало до безумия жарко, и пальцы её беспокойно застучали по ногам.

– Ну, что? – хмыкнула Вика.

Глаза Ани резко стали круглыми, как две планеты. Их вдруг обожгли так предательски выступившие слёзы.

– Что, понравилось, как мы с тобой сегодня?

Симонова коротко покачала головой. Она вдруг ощутила, как слёзы, горячие и крупные, выскользнули из глаз, оставляя мокрые следы.

– Знаю, Симонова, что не очень.

– Это ведь ты заставила так себя вести. – прошипела, точно змея, Маша. – Ты довела нас своим ужасным пением. У нас чуть кровь из ушей не брызнула. Просто больше не пой никогда, и, возможно, мы успокоимся. А может, и нет.

Раздался позади Симоновой протяжный, звонкий хохот, похожий на вой дикого животного.

С усердием Аня шевельнула губами, ставшими бело-голубым. Тихим, но ни разу не дрогнувшим голосом, проговорила:

– С чего вдруг? Петь вроде не запрещено.

И попыталась она состроить на лице подобие улыбки.

– Да, не запрещено. Но твоё пение разрушает класс. Да что толку тебе объяснять, ты ведь всё равно не поймёшь! В общем, не пой, и...

Вику перебил мягкий, добрый голос Соны:

– Пока, Ань! – глядя на Симонову, улыбнулась она и прошагала дальше.

– Пока. – одними губами сказала Аня.

Взглядом, наполненным жгучей ненавистью, Вика проводила уходящую всё дальше Сою. Долго Иванова наблюдала за последней. Лицо Вики стало ярко-красным. Вдруг она вновь повернулась к Ане:

– Услышала?

Симонова с непониманием пожала плечами.

– Ты меня услышала?

Аня постаралась поднять уголки губ ещё выше, но улыбка эта вышла жалкой и какой-то испуганной.

– Чего ты улыбаешься? Весело тебе?

Резко Симонова изменилась в выражении, став до смешного серьёзной.

– Нет, честно.

– Раз нет, значит, ты согласна с нашим предложением?

Симонова шумно выдохнула.

– Прости, Вика, но нет. Я же такая же, как и ты. А ты поёшь. И я тогда могу петь.

Лицо Ивановой стало совсем алым, на него словно упала тень. Брови Вики опустились, стало выражение её совсем хмурым, наполненным чувством ненависти и злости.

Раздался вдруг крик Ивановой, надрывный и безумный, похожий на раскат грома:

– Ты – не такая же! Я здесь староста! Только я! Я – лицо этого класса! И вообще, теперь ты мне ещё больше не нравишься. Я думала, что ты хотя бы немного лучше, но нет. – Вика с недовольством и разочарованием цокнула языком. – Будешь на последней парте сидеть, и без Лены своей. Может не завтра, и не послезавтра, но очень скоро!

С последним предложением лицо Ивановой стало ещё мрачнее. Крик её эхом всё ещё точно свистел в воздухе, и на контрасте с ним раздалось вдруг тихое Анино:

– Не буду.

– А раз не будешь, значит и переставай петь!

Отрицательные кивки Симоновой лишь были ответом.

– Ты сама всё решила. – заявила Вика. – Ты ведь помнишь, что было сегодня. И с каждым днём будет хуже. – и она обратилась к подругам: – Так, девочки, пойдём отсюда.

И, глядя на уходящих одноклассниц, Аня думала лишь одно: «Всё только начинается».

Глава 3 Сюрприз

Маленький жёлтый автобус, похожий на выросшую толстую личинку, слегка покрывшийся тёмно-коричневыми пятнами, остановился у серой остановки. На крыше её белой надписью значилось: «Школа № 24».

Аня прочитала номер автобуса: «318». Рядом с ней, в похожей парадной форме, стояли школьники и школьницы; дверь со странным свистом и шипением, похожим на помехи, открылась.

Постепенно остановка опустела и, когда последней Симонова вошла в салон, пахнувший клубникой и, одновременно с тем, чем-то прокисшим, автобус медленно поехал.

Многоэтажные дома – белые, оранжевые и жёлтые – возвышались горами-великанами над Аней. Медленно она шагала к низкому, по сравнению с соседними, дому.

Светло-рыжая девятиэтажная высотка с маленькими точками-окнами встретила Аню тишиной. Железная дверь, украшенная множеством листов с рекламой, скрипнула, точно заплакала, скрывая Симонову в сыром подъезде.

По серой лестнице поднялась та на третий этаж и, среди четырёх похожих дверей, взглянула и подошла к тёмно-коричневой, помеченной номером «12». Симонова с шумным вздохом взглянула на белёсую кнопку – звонок. Последний давно не работал, и кнопка вся покрылась пылью. Оттого Аня крепким кулаком ударила в дверь: та слегка дрогнула, и по подъезду пронеслось гулкое эхо. И в ту же секунду послышался треск, точно чья-то кость переломилась пополам – так повернулся ключ в замочной скважине. Раз, другой – и вот, дверь постепенно стала открываться.

Аня шагнула назад и взглянула на жительницу квартиры: на неё, довольно улыбаясь и щурясь, точно от яркого солнца, смотрела девушка. Она была чуть старше девятиклассницы, в ярко-голубом халате, на котором, будто кистью неопытного художника, были брошены неказистые завитки. Симонова заметила на лице жительницы квартиры лёгкую печаль и какую-то странную тревогу: пышные брови слегка опустились, карие глаза померкли и стали почти чёрными; золотистые волосы, мокрые, бросающие с кончиков на пол маленькие капли, тогда Ане показались похожими на засохшую лапшу, и эта мысль заставила её прыснуть коротким смешком.

– Привет, сестрёнка! – взвизгнула Симонова и крепко обняла первую.

– Привет, Анют. – в голосе сестры Аня различила неясный страх: дрожащий тихий голос показался ей дурным знаменьем.

В сердце Ани что-то оборвалось и упало, когда она услышала это странное приветствие. Счастливое прежде выражение стало обеспокоенным, взволнованным.

Девятиклассница с трепетом отстранилась, сжав пальцами, точно спасательный круг, худощавые плечи сестры.

– Вась, у тебя что-то случилось? – таким же шёпотом проговорила Аня. – В институте что-то? Или Антон сегодня не звонил? Ты мне только скажи, пожалуйста, я же тебя очень люблю.

Василиса стала бледная-бледная, точно мраморная статуэтка, широкие глаза её заполнились слезами и ярко заблестели. Медленно, точно обдумывая каждое своё движение, Вася отрицательно покачала головой.

– Ты мне не скажешь, да? Ведь сама же мне написала, чтобы я к тебе после школы заехала, а теперь молчишь.

– Ань, я не знаю даже, как тебе сказать...

– Говори, как есть. – Аня задумалась, рассказывать или нет, но губы точно сами, без её ведома, пролепетали: – А я потом тебе тоже кое-что расскажу.

Василиса опустила голову, мягко, аккуратно прижав подбородок к шее.

– Анют, тут дело такое: маму в Воронеж вызвали. У неё там операция какая-то, в общем, не знаю подробностей, но до нового года там будет. А мы с тобой только вдвоём, здесь. Если всё хорошо пройдёт, то мы вернёмся обратно.

Волнение как-то странно улеглось. Внутри разлилось какое-то приятное тепло, и щёки девятиклассницы вдруг разгорелись здоровым румянцем. Лицо, серьёзное и хмурое, украсила вновь появившаяся милая улыбка.

– Вась, так это же очень хорошо, очень! Мы вернёмся в Воронеж, наконец-то, всё лето ждала, чтобы услышать эту новость!

Аня сама не поняла, как стала кричать: прежде тихий, едва не бесшумный голос перерос в радостный, довольный визг. Руки девятиклассницы обвили мягкий пушистый халат, вцепились пальцами крепко-крепко, едва не переламывая сестру пополам, а ноги, точно дятел ударял клювом, застучали по грязной пыльной плитке невысокими прыжками.

В Воронеж до ужаса хотелось вернуться: в этом городе остались все друзья, многие родственники, прежняя школа и любимый 9 «А», весёлый и дружный, совсем не «образцовый», но любимый; однако из-за увольнения самой старшей из Симоновых летом пришлось переехать в город с названием, которое всё ещё Аня вспомнить без чужой помощи не могла: мама её не стерпела оскорбления главного врача больницы, в которой работала, и их ссора привела к завершению маминой медицинской карьеры. Тогда, рыдая и проклиная судьбу, семья поспешила уехать в город – маленький и незаметный, почти посёлок. Так, три месяца скучая, теперь Аня услышала эту счастливую новость!

Радостно вдруг ещё больше стало девятикласснице: вновь в голове её промелькнули события прошедшего дня и осознание, что даже год не придётся мириться с Викой и её странным характером. От этой мысли внутри Ани всколыхнулось странное удовольствие.

– Не радуйся так. Операция сложная. Мама меня предупредила: может не справиться так, как должна.

Аня вдруг от чего-то взволновалась:

– А что будет, если не справится?

– Не знаю. – с тяжёлым вздохом проронила Вася. – Но, одно понимаю точно: дорога в Воронеж нам тогда закрыта.

Радость Ани резко успокоилась. Тело её задрожало, точно в припадке.

Недолго сёстры помолчали, всё крепче сжимаясь в объятиях, словно хотели спрятаться под хваткой друг друга. Каждая думала о чём-то своём, но обе они странно встревожились от одной только мысли о неприятном исходе.

Время вдруг ускорило, стало меньше секунды для Ани. Минуту спустя вдруг Василиса хриплым голосом проговорила:

– Ладно, пока рано об этом думать. Помню, хотела ты мне что-то рассказать.

Аня с волнением закивала.

Медленно сёстры отпустили друг друга. Стук Аниных туфель раздавался среди тишины подъезда, совсем недолго, пока дверь с хлопком, похожим на пальбу из ружья, не закрылась.

Симоновы оказались в светлом маленьком узком коридоре, который освещала лампа, подвешенная на тёмной нити. С левой стороны Аня заметила блестящие красным туфли на высоких каблуках, похожих на тонкие иглы.

– Ну, Анют, разувайся – и пойдём. У меня тут и печенье, и шоколад, и чай.

Василиса медленно, поправляя пальцами подсохшие волосы, зашелестела мягкими пушистыми тапочками по паркетному полу, точно листья под обувной подошвой, и голос её постепенно отдалялся.

Секундой пролетели перед глазами пара туфель, сброшенных Аней наспех, узенький коридор – и вот, сёстры уже сидели на маленькой кухне с грязно-жёлтыми обоями, за прямоугольным столом, который был укрыт белоснежной скатертью с рисунками вишни.

Вася с какой-то печальной улыбкой приподняла голубой керамический чайник и медленно наклонила: тонкая струя со звуком, похожим на журчанье ручья, постепенно заполнила белые широкие кружки.

– Вот – печенье. – Вася указала на узорчатую железную подставку, которая была заполнена сладостями. – Угощайся, не стесняйся. А то сидишь, как неродная, сложила руки на коленях.

Дрожащими от волнения пальцами Аня вцепилась в прямоугольное печенье, поднесла ко рту. Зубы коротко скрипнули, крошки градом упали на подол платья. Девятикласснице почему-то показалось, что сладость – противно-горькая, с привкусом железа, крови и чего-то кислого. Горло сдавило какое-то мерзкое чувство, точно хотел вырваться крик: дикий, нечеловеческий.

Выражение лица у девятиклассницы медленно поменялось: стало оно покосившимся, кривым, губы дрогнули, а по щекам покатались слёзы.

Вася заметно взволновалась:

– Анюта, миленькая, что случилось? Почему ты плачешь? И отчего руки так дрожат? Ну, расскажи, ты же хотела!

Сестра её издала отчаянный всхлип: в нём смешались звуки рыдания, стоны и хрипа, точно какой-то жуткий психопат перерезал ей горло. В голове пульсировала лишь мысль:

"Надо срочно всё рассказать!"

Глазами, полными обжигающих слёз, Аня взглянула на сестру. Та медленно, не издав ни звука, обхватила пальцами, точно змея – жертву, кружку с остывшим чаем, поднесла к губам и издала хлюпающий звук, похожий на бульканье. После Вася поторопила Аню, потребовала её рассказа, и тогда девятиклассница с тяжёлым вздохом начала:

– Да тут и говорить особо не о чем. Даже и не знаю, с чего начать. В общем, меня в школе возненавидели...

Медленный тихий голос постепенно набирал силу; совсем не ожидая от себя, Аня говорила всё громче. Она говорила, не останавливаясь, не чувствуя колотящегося сердца и ручьёв слёз, не замечая дрожащего, словно от мороза, тела, голоса, срывающегося то на писк, то на хрип. Аня рассказывала всё: от начала линейки до момента, как в автобусе ей пришло сообщение от сестры: "Срочно приезжай ко мне. Домой не надо. Там всё равно никого нет".

Вася слушала и редко кивала, ни разу не перебив рассказ. Крепко руки её сжали кружку, как единственное спасение. Казалось, что керамическая посуда немного – и разлетится маленькими острыми кусочками по кухне.

Лишь когда Аня, прижав к лицу побледневшие ладони и скрыв его, опухшее и покрасневшее, Василиса осмелилась проговорить тихое:

– Как же так, Анют?

Этот вопрос показался той обжигающим, полным разочарования и небывалой тоски. Постепенно руки девятиклассницы опустились на колени. Одновременно с тем раздался её голос:

– Не знаю, Вась. Я им не понравилось. Не понимаю, что мне делать. – голос Ани стал вдруг ещё тише: – Я боюсь, что они меня убьют.

Вася как-то неожиданно хихикнула: раздражённо, взволнованно и напряжённо:

– Глупостей не говори. Кто там тебя убьёт?

Аня бросила единственное: "Вика" и медленно опустила голову. Не хотелось встречаться со взглядом Васи: надменным, недовольным. Он точно спрашивал: «И в кого ты такая слабая?», а вместе с ним это же захотела узнать и Василиса.

– Я не слабая. Ты их просто не знаешь. У них такие взгляды! Жуткие! Мне даже показалось, что это не мои одноклассники, а бандиты какие-то! – девятиклассница на секунду задумалась, а потом проговорила, задыхаясь от волнения: – Слушай, может, мне на домашнее обучение перейти? Я буду всё-всё учить! Честно!

Вася громко ударила кулаком по столу, и Аня невольно подпрыгнула на сидении стула. Чай, точно река из берегов, выплеснулся и разлился по белой скатерти тёмным пятном.

– Никакого домашнего обучения! Ты остаёшься в школе! Справляйся со своими проблемами сама, а не трусливо сбегай от них. Ты же знаешь, что...

Василиса кричала, точно гром грохотал, а Аня лишь тихо перебила:

– У этого же даже название есть – буллинг. Я ведь никогда с таким не сталкивалась, не хочу терпеть всё это!

– Значит, столкнулась впервые. Такой опыт тоже нужен. Меня травили, всех унижали когда-то. Пробуй, пытайся что-то поменять. Никто же тебя не избил? Нет! Вот и всё. Значит, проблем никаких нет.

– Маме позвоню. – решительно заявила Аня. – Она точно меня поймёт.

Вася возмутилась и предупредила:

– Она волноваться будет, а это не очень хорошо. Операция может пройти неудачно, и ты останешься в этом городе навсегда. Так что, придётся самой всё решить.

И, откусив кусочек от печенья, Василиса произнесла:

– А, кстати, ты спишь в моей комнате. Там кровать есть, с синим пледом. Она – твоя.

Девятиклассница ничего ей не ответила. Лишь, громко отодвинув стул назад, она вскочила и быстрым шагом направилась в комнату Васи, где теперь приходилось находиться и Ане.

Громко и раскатисто хлопнула деревянная дверь, скрывая её за собой. Та, с закипающими в груди рыданиями, прошла к узкой кровати, укрытой мягким пледом. Напротив неё Аня увидела другую – не заправленную, со свешенным до пыльного паркетного пола одеялом.

«Мамочка, милая, вот бы ты была рядом! Вот бы сидела тут, со мной! Скорее бы ты уже приехала» – думала девятиклассница.

Аня упала на кровать и бесшумно зарыдала. Её охватывали болезненные, но, одновременно с тем, лучшие воспоминания. Аня вспоминала прошлый класс, школу, Воронежские улицы – всё это мелькало пред глазами, точно живое, настоящее...

Глава 4 Новое имя

Класс был почти пуст. До начала уроков было ещё два часа. Вика, Ира и Маша собрались маленьким кругом и тихо переговаривались, когда в кабинет, тревожно озираясь, вошёл Арсений: кудрявый и высокий, точно фонарный столб, со зло поблёскивающими глазами. Его лучший друг, Вова, потирающий ладонью голову, тяжело вздыхая, вошёл следом.

– Привет, девчонки! – поздоровались одноклассники почти хором.

Голоса шепчущих вдруг разом стихли. Тихо и с какой-то неприязнью поздоровавшись, девушки замолчали.

– У вас что-то случилось?

– Случилось, Сеня. На Дне знаний случилось. – вздохнула Вика. – Эта новенькая странная такая. Она не вписывается в наш класс.

– Надо сделать так, чтобы она на глаза никому не показывалась. – вдруг раздался громкий, похожий на комариный писк, голос Маши. – А то вышла вчера, на химии, и решила всё лучше старосты!

Вика нахмурилась.

– Вот именно, получается, что не мы – образцовый класс, а она у нас образцовая! – возмутился Арсений.

Староста присела на край парты: дерево как-то натужно скрипнуло, точно застонало, и коротко хрустнуло; глаза её блеснули недобро, убийственно.

– Она только перевелась, а уже делает вид, что лучшая. – раздался Викин тяжёлый голос. – Ну, ничего. Зря она со мной связалась. Не знает ещё, на что я способна.

На секунду задумавшись, она произнесла:

– И имя у неё странное – Аня. У нас даже в школе такой не училось никогда.

Арсений вдруг как-то громко расхохотался:

– Какая Аня? Она же Подкидыш!

– Подкидыш! – взвизгнула Вика, издав то ли смех, то ли хрюканье.

– Вы что, ей только что имя придумали? – тоже рассмеялась Ира.

– Ну, кажется, вот оно ей очень подходит!

Злой хохот, похожий на смех, который, наверное, можно было услышать лишь в аду, разносился по полупустой школе, становился частью стен, кабинетов, оставался навсегда в этом старом здании.

Неумелой, слегка подрагивающей ладонью Аня взялась за ручку сковородки. Румяный тонкий блин отправился на белую тарелку с витиеватыми узорами. В кухне царил запах выпечки и клубничного варенья, уже манящий Анин взгляд, со стола.

Когда жидкое тесто в очередной раз разлилось по раскалённой сковородке, вдруг в кухню вошла Василиса. Она шумно и протяжно зевала, поправляя похожую на одуванчик причёску,

– Доброе утро, Анют.

Внутри что-то укололо горькой, ноющей болью. Вновь по щеке скользнула слеза и упала на блин, приятно пахнувший выпечкой. Грудь точно сдавило чем-то раскалённым, сильным.

«Как она смеет сейчас говорить так, будто ничего не случилось?» – разозлилась девятиклассница.

– Ань, привет! Ну, ты чего? Всё хорошо?

Глаза застлала пелена слёз, точно пред её лицом возник туман. Беспомощно руки Ани ударились о бёдра, и слегка закачались.

Василиса подошла ещё ближе, и её гортанный голосок произнёс взволнованное: "Что случилось?". Лишь тогда, после этого вопроса, девятиклассница всё-таки бросила:

– Вспомни.

Вася растянулась в широкой надменной улыбке. Анина сестра словно наслаждалась витающим в воздухе чувством неприязни. Василиса с интересом взглянула на девятиклассницу, бережно перекладывающую ажурный блин.

– Анют, ты мне скажи, это из-за вчерашнего? Ну, когда я сказала, что ты должна решать все проблемы сама...

Та лишь горько хмыкнула, соглашаясь.

– Давай за стол сядем и поговорим? Я могу всё объяснить!

Какие-то жуткие рыдания закипели в Аниной груди, разрывали её и терзали.

И крик, страшный, безумный, вдруг раздался:

– О чём? О том, что ты меня бросила? Мамы нет рядом, я поделилась своей проблемой с единственным родным человеком, а ты предала! Что собираешься объяснять?

Василиса больше ничего не говорила, лишь отошла к столу, лицо её стало красное-красное от волнения.

"Как же мне плохо сейчас! А мама бы так никогда не сказала!" – думалось Ане, пока она несла огромную стопку блинов.

Последняя возвышалась, точно гора, когда сёстры уже сидели за столом. Пар вился причудливыми узорами из кружек с чаем; никто не решался начать разговор первой. Минуту длилось это странное молчание, когда Вася вдруг проговорила:

– Хорошо готовишь.

Она попыталась улыбнуться, но вышло это у неё как-то странно: горькая усмешка появилась на лице Васи, словно та готова была разрыдаться. Не меняя выражения лица, она проговорила тихое:

– Извини.

– «Извини»? Ты хоть понимаешь, за что извиняешься? Это ведь настоящее предательство! За что ты так со мной, Вась?

Аня коротко закашлялась: точно осколок стекла впился в горло, а не крохотный кусочек блина.

– Я не хотела делать больно. – Василиса тяжело вздохнула. – Ладно уж, раз так. Знаешь, ведь тебе никогда не рассказывала о том, что случилось. Я тоже в школе училась, и вспоминать об этом очень тяжело. Один раз неправильно решила пример по математике. Стоило лишь один раз...

Как-то резко Вася замолчала. Откусывая ещё кусочек, Аня заметила, как её сестра стала болезненно бледной, глаза Василисы заблестели.

– Меня так травили, милая! Ты, наверное, и не знаешь такого. Однажды избили меня до крови, так, что даже встать не могла, а всё из-за одного примера! Животные, что ещё сказать...

– Твари. – сиплым голосом процедила Аня.

– Поэтому я тебя понимаю. Но я не хочу, чтобы ты сдавалась.

– Да мне плохо там! Один день, а такое чувство, будто я всю жизнь мучаюсь!

– Докажи, что ты можешь их всех уничтожить. Знаю, что можешь. Просто испугалась этой их старосты. А ты не бойся. Ничего не бойся. И маме ни слова.

Аня лишь недовольно кивнула. Как-то было ей тошно и до ужаса больно, точно единственная поддержка и помощь ускользали, как песок из ладоней.

– Аня, привет, а я тебя жду!

Симонова, расслышав знакомый голос, замедлила шаг и с недоумением осмотрелась.

– Я тут, у входа!

Звонкий, срывающийся на фальцет, голос раздался среди других. Среди толкающихся переговаривающихся учеников, возле двери в здание школы, с левой стороны, скучающим видом оглядывала ребят Лена.

– Привет. – одними губами проговорила Аня.

– Привет, Симонова! Мы уже опаздываем, пойдём на урок?

Кивнув, Аня решительно зашагала к двери: её силуэт в тёмном платье растворился в десятках похожих.

Быстро мимо Симоновой пролетели лестницы, ученики, шагающие слева от неё и громко что-то обсуждающие, коридор третьего этажа. Шагающая позади Лена не замолкала, рассказывающая обо всём, что знала: говорила, что любила белый цвет, оттого всё не могла привыкнуть к чёрной форме, что её собака Милка обожала гоняться за бабочками, что в доме постоянно отключали электричество. Казалось Ане, словно её новая подруга недоговаривает важное, но отчего-то секретное.

Но спросить об этом Симонова не успела: одноклассницы оказались у знакомой двери. С волнительным ожиданием, точно там, за ней – комната, заполненная блестящими золотыми слитками, Лена подошла к двери. Она слегка подрагивала и ухмылялась, точно ждала того, что, по мнению Лены, обязательно должно было случиться.

Тогда, когда в глаза Ани ударил яркий солнечный луч, сделав взгляд её нечётким. Перед ним на секунду возникла белая пелена, а, когда уже знакомый кабинет стал проявляться, Лены уже рядом не было.

Вдруг что-то, точно пуля, ударило по лбу Симоновой. Что-то маленькое, почти незаметное, но болезненное. А затем – снова, и снова.

Внутри Ани что-то вдруг обмерло и упало, словно в пропасть, навсегда.

Она медленно опустила взгляд: у Аниных слегка испачканных в осенней грязи туфель приземлялись, похожие на град, небольшие шарики из тетрадных листов.

Когда рядом с ней приземлился ещё один, Аня расслышала громкие звуки. Это оказался Вова: прежде опустивший голову и читающий с увлечением "Мёртвые души", он с грохотом бросил книгу на парту, приставил пальцы ко рту и протяжно свистнул, точно отдавая команду прекратить. И, действительно, разом вдруг маленькие промокашки перестали падать, а Аню вдруг охватило чувство странного облегчения.

– Я же сказал, ребята, хватит!

Одноклассник становился злее: в глазах появился огонёк раздражения. Неожиданно взгляд его встретился с Аней, невольно поднявшей глаза. Она стояла на пороге, окружённая множеством бумажных шариков, не решаясь войти в класс и словно ожидая разрешения.

– А что ты стоишь в дверях? Заходи! – пригласил Аню Вова.

Она медленно зашагала по классу, а одноклассник замер рядом с учительским столом, точно статуя, не отводя от Ани взгляда и разглядывая её белое, точно снег, лицо.

– Напомни-ка мне своё имя. – наконец проговорил Вова, когда Симонова подошла совсем близко.

Она прошелестела одно слово лишь одними губами, испугавшись осипшего голоса и странно подёргивающихся глаз.

"Неужели, здесь появился кто-то, кто сможет меня защитить?" – вдруг мелькнула наивная мысль в Аниной голове.

Но Вова не торопился ничего говорить, он лишь протяжно хмыкнул, улыбаясь как-то недобро. В ожидании оглядывая настороженных учеников, Аня вдруг увидела: с такой же ухмылкой на неё смотрели и Вика, и, пытающаяся походить на неё, Лена. Последняя сидела, выглядывая из-за широкой, похожей на холм, спины Ивановой, и широко улыбалась, а глаза странно мерцали на солнечном свете, как-то злобно, точно лев наблюдал за будущей жертвой и размышлял, какой именно будет её участь.

Внутри что-то обмерло, похолодело.

– Как, ещё раз, тебя зовут?

Голос Вовы заставил Аню резко отвести взгляд и вновь произнести тихо имя своё.

– А по-моему, совсем не так! – возразил вдруг одноклассник.

Аня удивилась: глаза её стали широкими, точно диски, а брови слегка вздёрнулись. В ту секунду по классу пронеслись смешки. Сначала тихие, ожидающие чего-то, они вдруг стали громче и превратились в гул заливистого хохота десятков голосов.

Сердце Ани стало биться как-то странно быстро, точно она вот-вот должна была прыгнуть со скалы. В душе поселился непонятный ей самой страх: Симонова совсем не хотела, чтобы Вова говорил ещё что-то.

Но он молчал. Молчал, точно сам в ожидании чего-то.

– Конечно, не так! Ты же подкидыш! – взвизгнула довольная Вика. – Подкидыш! Вот твоё настоящее имя!

Её голос незаметно исчез, точно его и не было. Он скрылся во множестве криков: одноклассники, прежде казавшиеся милыми, вдруг стали повторять одно: "Подкидыш, подкидыш!" всё громче и громче, становясь единым шумом. Ребята гудели, точно стая пчёл.

Крики раздавались уж в голове Ани, а она стояла на середине класса, у школьной старой доски, исписанной формулами и неумелыми рисунками. Симонова замерла, как натурщица среди художников.

Она слегка вздёрнула голову, и солнечный свет упал на Анины щёки, мокрые от слёз. Глаза её светились, а губы часто подрагивали, в горле Ани застыл крик. Жуткий, животный крик. Странная боль, охватившая её, нахлынула совсем внезапно.

"За что они так со мной? Неужели дальше, в самом деле, будет хуже?" – раздавалось жестокой правдой в голове Симоновой.

– Пожалуйста, прекратите, прекратите, прекратите... – шептала она испуганно, повторяя ещё и ещё раз.

А Симоновой, точно слыша её голос, в ответ завывали голоса, протяжные, прерываемые хрюканьем:

– Подкидыш у нас плачет, представляете?

– Окна надо открыть! А то вдруг, она радиоактивная, и мы заразимся! – Ира решительно бросилась к нему и распахнула: в класс пробился шум машин.

– Вот именно! А, может, у неё какая-то болезнь есть?

– Да, ну, по ней видно, что точно чем-то больна!

Какая-то злость охватила Аню: что-то внутри поменялось, всколыхнулось, и лицо её сделалось красным, словно закатное солнце. Симонову бросило в жар, на лбу её выступили капли пота.

– У кого что болит, тот о том и говорит! Знаете поговорку? – голос Ани вдруг стал чётким, уверенным.

– А ты не обнаглела, Подкидыш? – рассвирепела Вика.

Крепко сжала она в руках толстую тетрадь. Смяла в пальцах, точно не её, а кирпич держала, быстро подняла. С каким-то рыком, словно дикое животное кричало, бросила Вика тетрадь. Та со свистом пролетела к доске, и с грохотом ударилась.

Бросила Вика – и спохватились вдруг все. Суетливо одноклассники доставали, пыхтя и тяжело дыша, тетради и учебники, сжимали в пальцах и бросали. Толстые и тяжёлые, падали они рядом с Аней, били её по плечам, животу и ногам.

Когда рядом с Симоновой приземлился учебник русского языка, она, защищаясь, прислонив к лицу дрожащие ладони, бросилась к двери.

Двое лишь не целились в Симонову – Вова и Лена, лишь как-то нервно улыбающиеся.

Как в тумане, пронеслись пред глазами Ани двери кабинетов – и вот, она, редко дыша и не моргая, сидела на маленьком диване рядом с лестницей. Какая-то жуткая боль охватила Аню. Слёзы, точно ливень, растекались по щекам.

Симонова даже не заметила, как рядом с ней вдруг оказался чей-то силуэт: девочка рядом с ней сидела, замершая и погружённая в мысли. Как-то странно та согнулась, едва не прижав голову к коленям. Симонова моргнула, пытаясь согнать пелену слёз с глаз. Солнечный свет освещал полупустой коридор: медленно сонные ученики заходили в классы. Аня услышала: рядом с ней были слышны судорожные рыдания. Симонова со странным волнением обернулась.

«Вика!» – вдруг мелькнула в её голове страшная мысль.

Но, нет, то была не Иванова. Рядом, потирая заплаканное лицо, сидела подрагивающая всем телом Лена.

– Ты чего? – забыв о своих слезах, вдруг проговорила Аня.

Она задыхалась от волнения. Резко Симонова прижалась к подруге, точно пытаясь скрыться от одноклассников.

Одноклассницы недолго помолчали, сжимая друг друга в крепких объятиях. У каждой в голове проносились мысли, но некоторое время они не вырывались наружу.

– Извини, что не заступилась. Я просто не знала, как реагировать. Я очень Вику боюсь. И Капусту прости.

Аня, сквозь рыдания, всхлипывания, как-то неуверенно хохотнула.

– Капусту?

– Ну да. Мы так Вову называем иногда. – Лена тоже усмехнулась. – Там история странная. Это ещё с пятого класса пошло. Когда мы были в столовой, Вовчик просто постоянно выпрашивал у всех квашеную капусту, ну и мы в шутку стали его так называть. Он, вроде, не обижался.

Улыбка вдруг исчезла с её лица.

– А вот "Подкидыш" кого-то впервые наши называют. Вроде, "Капуста" – это не так обидно, в отличие от этого.

Аня протяжно выдохнула. Какая-то острая боль поселилась внутри, и точно разрослась по всему телу.

"За что они так со мной? Я ведь ничего не сделала? Я проучилась только первый день!" – огорчалась Симонова. Неожиданно те же слова вдруг пролепетали её потрескавшиеся, ставшие почти белыми, губы.

– Знаешь, Симонова, а, мне кажется, "За что?" – странный вопрос. Да просто так. Ради забавы. Это же Вика! От неё всего можно ожидать.

Вдруг перед глазами Ани, мелькая в воспоминаниях лишь как-то отдалённо, появился Ленин силуэт: она сидела за партой и как-то странно улыбалась. Тогда, в школьном коридоре, внутри Симоновой вдруг появилось дерзкое желание спросить:

– А что с тобой было тогда, в классе, да и по дороге к нему? Ты странная была. – и голос её отчего-то дрогнул.

Лена как-то странно смутилась: тень удивления и одновременно с тем, волнения, вдруг упала на лицо её.

– Ну, неужели не понимаешь? Эта улыбка твоя меня очень напугала. Сидела, ухмылялась, да и Вова тоже!

Лена вдруг проговорила тихим и грустным голосом, словно пыталась извиниться:

– Ты меня извини. Это какая-то странная реакция на поступки Ивановой. Хочется плакать, а вот мы резко начинаем улыбаться. Ты, конечно, не заметила, но многие там улыбались, и не потому, что им, в самом деле, весело.

Внутри что-то ещё сомневалось, но эти ощущения подавляла Аня в себе.

"Лена не может соврать. Значит, правда, я её не так поняла!" – решила Симонова, хоть внутри что-то, казалось, совсем противилось Аниному решению.

– Тогда и ты меня прости. – пролепетала она. – Прости, что зазря начала говорить тебе всё это.

– Ничего, Ань, со всеми бывает! К тому же, ты ведь столько сегодня пережила, как же ещё с ума не сошла?

И голос Лены лился, точно мелодичная колыбельная, которую пела любящая мама своему малышу. Эти интонации казались щебетанием птиц, голос был таким сладостным и успокаивающим! Все сомнения разом улеглись.

Неожиданно на лестнице, с тяжёлыми вздохами поднимаясь, вдруг появилась маленькая старушка, одетая в тёплый серый свитер с причудливыми узорами. Она, точно подметая плитку, размахивала деревянной совсем низкой изогнутой клюкой.

– Это – наша учительница математики. – шепнула с какой-то гордостью Лена, и щёки её вдруг вспыхнули. – Она меня, всегда троичницу, отличницей сделала, хоть и ведёт у нас всего год. И, представляешь, запрещает помогать. Ну, например, как сейчас: поднимается она по лестнице, тяжело – и всё равно, говорит, что сама, даже приближаться запрещает. В общем, любимая моя учительница. Думаю, и тебе она понравится!

И что-то всколыхнулось в груди Ани, что-то забилося, как будто она оказалась одна на забытом всеми острове, и вдруг заметила корабль.

– Я ей обо всём расскажу. – решительно заявила Симонова.

Лена лишь подозрительно сощурилась и с осуждением покачала головой.

– Не вздумай. Не поверят, Ань. Только душой себя выставишь. Ну, если хочешь, проверь.

"А вдруг? А вдруг? Вдруг поверят?" – всё же билась не желающая мириться с истиной мысль.

– Ладно, после урока всё обсудим, а пока – пойдём в класс! Знаешь, я...

Пронзительный звонок, громкий и надрывный, не дал Лене закончить. Спешно одноклассницы зашагали к кабинету, желая занять места.

С уверенностью Лена распахнула дверь, и удивление вдруг легло на Анино лицо: глаза её стали широкими, точно бусины, а губы, сжатые в одну тонкую полоску, рвались спросить одно лишь: "Как это так?"

Прежде готовая с уверенностью, предоставляя доказательства, рассказать обо всём, что случилось, теперь взволнованная Аня стояла на пороге.

Ей удивительным показалось даже то, что ученики и ученицы, прилежно сложив руки на партах и выпрямив спины, сидели, точно натянутые струны, с лёгкими надменными улыбками на лицах. Они были так спокойны, словно не случилось ничего несколькими минутами ранее!

Волнение обдало Аню, точно ледяной ветер. Она поняла, что план, как айсберг на ярком тёплом солнце, разрушался и таял на глазах: пол был чист. Ни единого шарика из тетрадного листа, ни учебников не было на нём, и даже пыль, слегка осевшая в уголках класса, странно вдруг исчезла.

Горькое чувство обиды расплзлось, словно несколько жалящих змей, по всему телу, и обжигающие слёзы покрыли пеленой Анины глаза.

Ноги сами, слегка подрагивая, медленно несли беспомощное её тело к парте, вслед за Леной. Вскоре Аня прошла к стулу и с грохотом упала на него.

Она хотела что-то спросить у подруги, узнать, разрыдаться, но времени было недостаточно: в класс неспешно входила учительница математики, крепко сжимающая в свободной руке толстую тетрадь – журнал с оценками.

Точно по резкому приказу, ученики вскочили с мест и статуями встали возле них. С опозданием поднялась и Аня, оглядывая множества разноцветных макушек.

– Здравствуйте, детки. – тихо и ласково поздоровалась учительница.

– Здравствуйте, Елизавета Игоревна! – синхронным хором раздалось ей в ответ.

Тихо с учительницей, невпопад с другими, поздоровалась и Аня; прежде в её школе Симонову учили приветствовать учителя молча, и неожиданностью стало для неё поведение новых одноклассников.

– Какие же вы хорошие, милые! Остальные молчат, когда здороваются, а вы, мои хорошие, мне отвечаете!

– Мы вас просто очень любим, Елизавета Игоревна! – раздался голос Вики, и множество других ответило ему громкими согласиями.

– Я вас тоже очень люблю, дорогие. После девятого "В" общаться с вами ещё приятнее.

Учительница попыталась подмигнуть школьникам, и губы её, слегка потрескавшиеся, расплылись в улыбке.

– Это худший класс в нашей школе. – тихо пояснила Лена. – Учеников там не очень любят. Они только двойки получают, иногда – тройки. Ну, это, конечно, не очень хорошая причина для того, чтобы ребят не любить, но учителям они совсем не нравятся.

Голос её пытался прорваться сквозь хохот учеников: он казался каким-то странным, будто искусственным, созданным роботом.

– Так, ну, всё, посмеялись – и хватит! – тоном, точно призывающим к действию, сказала Елизавета Игоревна.

В классе вдруг воцарилась тишина.

– Простите, пожалуйста! – жалостливо протянула Ира писклявым, точно длинные ногти провели по стеклу, голосом. – Просто вы очень хорошо шутите!

– Да, да! – воскликнула Иванова. – Сегодня такое плохое настроение было, но ваша фраза сделала меня такой весёлой!

Глаза учительницы блеснули радостью, и с удовольствием она мягко положила журнал на стол. С каким-то подозрением вдруг Елизавета Игоревна оглядела учеников, и неожиданно остановилась на Ане.

– А что же вы не показываете мне новенькую? Как-то спряталась на задней парте, и совсем её не видно!

Лицо Вики как-то странно переменялось: оно стало совсем испуганным, радостный румянец почти сошёл. Она повернулась к Ане, изобразив подобие дружелюбия. Широко Иванова улыбнулась, как-то злобно, с ненавистью. Крепко пальцы Вики ухватились, точно утопающий за единственную веточку, за спинку стула, которая слегка вдруг хрустнула.

– Анечка! – пропела Иванова громко, сквозь зубы. – А что же, действительно, мы тебя не представили? Срочно надо это исправлять, да?

По всему классу шумом пронесли восторженные восклицания, соглашающиеся с ней, в которых лишь Ане удалось различить нотки злобы.

– Ну, вот и хорошо! – учительница просяла. – Что ж, Аня, выходи! Познакомимся с тобой!

Симонова с чувством страха, овладевающего ей, поднялась и неохотно, коротко дрогнув плечами, вышла к исписанной доске.

– Это – Аня Симонова, очень хорошая девочка, мы уже с ней подружались! – пояснила Вика ласковым, противно-сладким голосом. – Ещё и пела вчера, так красиво!

Елизавета Игоревна с улыбкой кивала, внимательно слушая Вику.

– Да, слышала! – медленно она повернулась к Симоновой, замершей прямой струной. – Аня, очень красиво! Тебе нужно в консерваторию поступать.

Побелевшими губами Аня прошептала неуверенное: «Спасибо». В ту секунду Иванова разозлилась лишь сильнее: на лицо её упала тень обжигающей ненависти. Стало оно красным-красным, едва не алым.

– Ладно уж, Аня, садись за парту. Начнём урок, и сегодня уделим время только повторению материала восьмого класса! Вы же всё помните, да?

Класс заполнился громкими возгласами: «Да, конечно!» – раздалось с каждой парты. Именно под этот шум спешно прошагала Симонова к месту. Она упала рядом с подругой, напомнив мяч, приземлившийся на землю.

– Ань, ты бледная вся! Надо бы сходить к медсестре, пусть тебе справку выдаст и домой отпустит. А то, как же это так – ты будешь в таком состоянии сидеть на уроке? Нет, нужно что-то делать! – взволнованно тараторила Лена.

– Хорошо, схожу.

Согласие Ани было напускным: после урока хотела она всё-таки поговорить с учителем, который показался ей единственным добрым человеком в этой школе – с Елизаветой Ивановной.

«Во что бы то ни стало, я должна ей всё рассказать!» – решила Симонова.

Громкий звонок, похожий на писк, закончил урок. Учительница с возгласом: «На этом сегодня – всё! Рада была вас видеть!» уже брала классный журнал и деревянную трость.

Даже не взглянув на Лену, отчего-то взволнованную, Аня вскочила с места, со страхом остановилась на полпути.

«Теперь всё будет хорошо!» – пытаюсь успокоить себя, повторяла Симонова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.